ТАКСИС — ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

«…Область, подлежащая фотографической фиксации, почти так же широка и неограниченна, как и область художника. При этом у фотографа будет еще преимущество скорой работы и фиксации тем, последнему совершенно недоступных, … материал, доставленный фотографом, будет иметь все преимущества документальности, беспристрастного и точного протокола…»

С. М. Дудин

«В свете теории таксиса некоторые категории и понятия традиционной лингвистики, связанные с выражением позиционного времени, в первую очередь, такие, как "относительное время", "относительные времена", "согласование времен" были подвергнуты переосмыслению и получили новую интерпретацию, обнаруживающую у различных исследователей, подчас существенные расхождения».

С. М. Полянский

Востоковед-историк должен быть филологом в первую очередь. Этому учат с первых дней пребывания на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Петербургский востоковед часто видит и описывает мир в лингвистических терминах. «Математичность» лингвистики помогает увидеть структуру в хаосе и дает в руки исследователя нить, которая поможет выбраться из любого лабиринта. Правоту своих учителей я в который раз оценил в Казахстане, куда в конце мая 2010 г. отправилась совместная российско-казахстанская историко-этнографическая экспедиция. Как раз накануне отъезда я работал со статьей одного из крупнейших лингвистов XX в. Романа Якобсона, в которой он впервые ввел в оборот важный для современной лингвистики термин *таксис*[1]. Возможно, именно под влиянием этой статьи вся наша поездка предстала для меня в ококолингвистических образах и понятиях.

Основной задачей экспедиции был сбор материалов для научного обеспечения публикации казахских коллекций Петербургской Кунсткамеры. Комплексный научный, экспедиционный, выставочный и издательский проект с предварительным названием «Традиционная казахская культура в предметных и фотоиллюстративных коллекциях МАЭ РАН» задуман МАЭ и Центральным государственным музеем Республики Казахстан с целью объединения усилий ведущих ученых двух стран в деле исследования и публикации казахского собрания МАЭ, одного из интереснейших и старейших в мире. История этой коллекции теснейшим образом связана и с историей России, и с историей Казахстана XIX — начала XX вв. Среди ее собирателей Чингиз Валиханов, отец казахского ученого-просветителя Чокана Валиханова, выдающийся русский художник В. В. Верещагин, знаменитый путешественник и исследователь Центральной Азии Г. Е. Грум-Гржимайло, выдающийся востоковед-тюрколог Н. Ф. Катанов, первый российский генерал-губернатор Туркестана К. П. фон Кауфман, последний император

[1] Р. О. Якобсон «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол», *Принципы типологического анализа языков различного строя* (Москва, 1972), с. 101; о развитии понятия таксис в современной лингвистике см., например, С. М. Полянский, «Таксис — относительное время — эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения)», *Сибирский лингвистический семинар II* (Новосибирск, 2001). В Древней Греции термин τάξις был связан, прежде всего, с воинской организацией и обозначал боевую линию, позицию войск, военное звание, собственно войска.

Рис. 1. «Установка юрты на джайлау». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 39,0 см. ЦМК, колл. № НВФ 5289/10 «в» (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199-36, 23,8 × 16,8 см).

TAXIS — RELATIVE TIME

"…The area, which is subject to photographic fixation, is almost as broad and unlimited as the area of an artist. Meanwhile, a photographer will also have an advantage of quick work and fixation, which are absolutely unavailable to the latter… the material delivered by a photographer will have all the advantages of documentality, unbiased and accurate protocol…"

S. M. Dudin

"In the light of the theory of taxis some categories and notions of traditional linguistics that have to do with the expression of the positional time — such as 'relative time', 'relative times', 'sequence of tenses' — were subject to reexamination and thus were interpreted in a new way, which at times discovered quite significant divergences between various researchers".

S. M. Polyanskiy

An orientalist historian must be a philologist in the first place. This is taught from the very first days at the Oriental Faculty of the University of St. Petersburg. Petersburg orientalist often sees and describes the world in linguistic terms. The "mathematicity" of linguistics helps one see structure in chaos and gives a thread to a researcher, which will help him get out of any maze. I had a chance to appreciate the rightness of my teachers again in Kazakhstan, which a Russian-Kazakhstan historical-ethnographic expedition set off to at the end of May of 2010. Right the day before the departure I was working with an article of one of the most large-scale linguists of the 20th century, Roman Jakobson, where he for the first time introduced a very important term for the modern linguistics — taxis[1]. Perhaps, it is under the influence of this very article our whole trip appeared to me in the circum-linguistic images and notions.

The main task of the expedition was to collect material for the scientific support for publication of the St. Petersburg Kunstkamera Kazakh collections within the framework of the large-scale scientific project provisionally entitled "Traditional Kazakh Culture in the Collections of Objects and Photographs in the MAE RAS". The complex scientific, expedition, exhibition and publishing project is designed by the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (MAE below) and the Central State Museum of Republic of Kazakhstan for the purpose of uniting the efforts of the leading scientists of the two countries in the field of research and publication of the Kazakh collection of the MAE, one of the most interesting and oldest in the world. The history of the collection is closely associated with the history of Russia and the history of Kazakhstan of the 19th — early 20th centuries. Among its collectors were Chinghiz Valikhanov, the father of the Kazakh enlightenment scientist Chokan Valikhanov, Vasiliy Vereshchagin, a prominent Russian artist, Grigoriy Grumm-Grzhimaylo, a well-known traveller and researcher of Central Asia, Nikolay Katanov, a prominent orientalist-Turkologist, Konstantin von Kaufmann, the first Russian governor-general of Turkestan, Nicholas II, the last emperor of Russia, Friedrich W. Radloff, the director of the MAE and many others.

[1] R. O. Jakobson, "Shifters, verbal categories and Russian verb", *Selected Writings* (The Hague, 1971), ii, p. 133; about the development of the notion of *taxis* in modern linguistics see, for instance, S. M. Polyanskiy, "Taxis — relative time — evidentiality (for the problem of differentiation criteria)", *Siberian Linguistic Seminar II* (Novosibirsk, 2001) (ancient Greek τάξις, *f.* — correct order / line, rank, grade, military order, battle-line, place, post, military troops).

Fig. 1. "Placing of yurt at summer pasture (jaylaw)". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8.0 × 39.0 cm. The collection of CMK No. НВФ 5289/10 "в" (source photo MAE RAS, No. 1199-36, 23.8 × 16.8 cm).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН

России Николай II, директор МАЭ академик В. В. Радлов и многие другие.

Первые сведения о предметах по традиционной культуре казахов в собрании Кунсткамеры встречаются уже в Каталоге-путеводителе по музею, вышедшем в свет в 1800 г. Фотография хана Букеевской орды Джангира с женой датируется периодом «между 1839 г. (год изобретения фотографии) и 1845 г. (год смерти Джангир-хана) и поэтому может считаться наиболее ранней фотографией, а не дагерротипом, среди фотоколлекций МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана и одной из первых отечественных фотографий в истории этого вида искусства[2]. Переданная в МАЭ в 1880 г. фотоколлекция известного зоолога И. С. Полякова, выполненная среди казахов Семипалатинской области, является старейшим музейным собранием, которое целиком посвящено изучению одного народа. Среди музейных экспонатов старинный и богато украшенный сердоликовыми вставками, серебром и золотом пояс, хранившийся по преданию в роду одного из самых знаменитых ханов Среднего *жуза* — Аблай-хана (1711–1781). По мотивам именно его биографии снят первый казахстанский блокбастер «Кочевник» (режиссеры Иван Пассер / Сергей Бодров, 2005).

В собрании МАЭ хранится и уникальное собрание фотоматериалов Самуила Мартыновича Дудина (1863–1929), художника, ученого-этнографа, путешественника и коллекционера. Он был непосредственным участником эпохи «бури и натиска» в истории МАЭ, связанной с именами Василия Васильевича Радлова (1837–1918) и Льва Яковлевича Штернберга (1861–1927). Тогда была поставлена цель создать в Петербурге научный музей общечеловеческой культуры, который был бы достоин столицы великой страны.

После серии арестов за участие в революционном движении и ссылки в Сибирь, С. М. Дудин, по ходатайству директора Музея антропологии и этнографии академика В. В. Радлова, получил возможность поселиться в Санкт-Петербурге и принять участие в научных проектах Музея. В столице Радлов помог бывшему ссыльному поступить в Императорскую Академию художеств. Блестяще окончив курс Академии, где он был учеником И. Е. Репина, и, получив в 1897 г. звание художника, С. М. Дудин принимает активное участие в художественных выставках, активно работает как книжный график. При этом уже тогда главным в его жизни, несомненно, было активное участие в серии экспедиций по изучению памятников Центральной Азии, организованных МАЭ. Он, в частности, работал в среднеазиатской экспедиции В. В. Бартольда (1893–1894) и в обеих экспедициях С. Ф. Ольденбурга в Китайский Туркестан (1909–1910 и в 1914–1915); активно занимался изучением художественных и этнографических памятников. Вскоре С. М. Дудин стал ученым хранителем и секретарем Музея антропологии и этнографии, возглавил в нем Отдел древностей Восточного Туркестана, стал бессменным секретарем основополагающих для русской этнографической науки Радловских чтений. С 1900 по 1908 г. он почти ежегодно выезжал

[2] В. А. Прищепова, *Традиционная культура казахов в коллекциях МАЭ РАН* (в печати).

Рис. 2. «Казахи в районе Павлодара». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 39,0 см. ЦМК, колл. № НВФ 5289/10 «а» (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199-7, 23,8 × 16,8 см).

Fig. 2. "Kazakhs in the region of Pavlodar". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8.0 × 39.0 cm. The collection of CMK No. НВФ 5289/10 "a" (source photo MAE RAS, No. 199-7, 23.8 × 16.8 cm).

The first information on the objects of traditional culture of Kazakhs in the collections of Kunstkamera is found in the Catalogue Guide of the Museum, released in 1800. The photograph of the khan of Bukey Horde, Jangir, with his wife dates back to the period "between 1839 (the year photography was invented) and 1845 (the year Jangir-khan died), and therefore it can be considered the earliest photograph — and not a daguerreotype — among the photographic collections of the MAE on the theme of the peoples of Central Asia and Kazakhstan and one of the first domestic photographs in the history of this branch of arts"[2]. The Photographic collection of the famous zoologist Polyakov made among the Kazakhs of the Semipalatinsk province and passed on to the MAE is the oldest museum collection, totally dedicated to the study of one people group. Among the museum exhibits there is an antique belt, richly-inlaid with cornelian insets, silver and gold. According to the legend it was kept in the clan of one of the most prominent khans of Middle *juz* — Ablay-khan (1711–1781). The first Kazakhstan blockbuster "Nomad" (directed by Ivan Passer / Sergey Bodrov, 2005) was filmed against the background of his biography. The list of interesting exhibits may easily be continued.

The collections of the MAE also keep a unique collection of the photographic material of Samuel Martynovich Dudin (1863–1929), an artist, ethnographer-scientist, traveller and collector. He was one of the last direct participants of the "storm and onslaught" epoch in the history of the MAE RAS, that had to do with the names of Vasiliy Vasilyevich (Friedrich Wilhelm) Radloff (1837–1918) and Lev Yakovlevich Sternberg (1861–1927) They set a goal before themselves — to create a scientific museum of the culture common to all mankind, which would be worthy of the capital of the great country.

After a series of arrests for participating in the revolutionary movement and an exile to Siberia, Samuel Dudin, on account of the petition of Radloff, the director of the Museum of Anthropology and Ethnology and full member of the Academy of Sciences, was given permission to take up his residence in St. Petersburg and participate in the scientific projects of the Museum. Radloff helped the ex-exile to enter the Emperor's Academy of Arts in the capital. Having graduated the Academy, where he studied under famous Russian artist Ilya Repin, with flying colours and having obtained the artist status in 1897, Samuel Dudin took an active part in art exhibitions and actively worked as a book graphic artist. With all that in mind the main role in his life had already been given to active participation in the series of expeditions dedicated to the study of the monuments of Central Asia; those expeditions were organized by the MAE. In particular he worked in the Central Asian expedition of Vasiliy Barthold (1893–1894) and in both expeditions of Sergey Oldenburg to Chinese Turkestan (1909–1910 and 1914–1915). He soon became actively involved in the study of the artistic and ethnographic monuments. Samuel Dudin became an academic custodian and secretary of the Museum of Anthropology and Ethnography, became the head of the Department of the Antiquities of the Eastern Turkestan in it, and became an unchallenged secretary of Radloff's readings, fundamental for Russian ethnographic science. From 1900 to 1908 he went to the land of Turkestan almost annually. Samuel

[2] V. A. Prischepova, *Traditional culture of Kazakhs in the collection of the MAE RAS* (in print).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН

в Туркестанский край. С. М. Дудин стал основоположником коллекции Этнографического отдела Русского музея (ныне — РЭМ) по этнографии народов Средней Азии[3].

Это была романтическая эпоха, которую сегодня можно назвать временем «первой медийной революции», эпоха фотографов-путешественников и первооткрывателей. Переносные фотокамеры и звукозаписывающие устройства позволили совершенно иначе взглянуть на работу в поле. Этнографы встретили новые возможности с громадным энтузиазмом. О том, какое значение имели в то время фотооборудование и материалы, свидетельствуют сохранившиеся архивные материалы, связанные с подготовкой к экспедициям тех лет. Значительная часть средств, направленных на закупку снаряжения (где-то четверть всех экспедиционных расходов), часто шла на приобретение фотографических пластинок. Для экспедиции в Китайский Туркестан, например, из расчета на год их было закуплено 60 пудов (т. е. почти тонна!)[4], а это поклажа как минимум трех верблюдов.

Увлекшись фотографией, Дудин стал основателем и (с 1911 г.) бессменным руководителем специализированной фотолаборатории Музея антропологии и этнографии — одной из первых в мире — и, фактически, одним из основателей научного направления, которое принято сегодня называть *визуальной антропологией*. Уникальность творческого наследия Дудина во многом состоит в его особом подходе к материалу, подходе, объединяющем талант и профессионализм подлинного художника с научной основательностью и объективностью. Именно поэтому монографическая публикация коллекции Дудина задумана в качестве первого этапа реализации проекта «Традиционная казахская культура в предметных и фотоиллюстративных коллекциях МАЭ РАН».

В основу маршрута экспедиции 2010 г. легли материалы поездки 1899 г. С. М. Дудина в Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области. Целью экспедиции было, в частности, создание специальной экспозиции для Парижской всемирной выставки. Проект реализовывался знаменитым «Этнографическим бюро», созданным 1897 г. русским фабрикантом и меценатом князем В. Н. Тенишевым (1843–1903). Основной целью этого громадного предприятия были организация и проведение массового сбора сведений о русском крестьянстве по «Программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленной князем В. Н. Тенишевым». Казахский проект Тенишева показывает, что на определенном этапе он был готов существенно расширить исследовательские рамки «Бюро».

Газета «Русский Туркестан» в двух номерах от 14 июля и 11 августа 1899 г. в рубрике «Азиатское эхо» поместила один и тот же текст: «Этнографическое бюро князя Тенишева издаст к Парижской выставке обширное исследование о киргизах, снабженное иллюстрациями, выполнение которых возложено на специально командированного для этой цели в Степной край художника Дудина».

[3] Здесь собрания, связанные с его именем, содержат свыше 4000 экспонатов и около 1500 фотоснимков.

[4] *Протоколы заседания Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии*. 1914 г. Протокол № 2, § 27, сс. 19–20.

Рис. 3. «Казахи в районе Павлодара». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 39,0 см. ЦМК, колл. № НВФ 5289/10 «б» (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199-15, 23,8 × 16,8 см).

Dudin became a pioneer of the collection at the Ethnographic Department of the Russian Museum (today it is known as the Russian Ethnographic Museum) of ethnography of the peoples of Central Asia[3].

That was a romantic epoch, which today can be nicknamed as the time of "the first media revolution", the epoch of photographing travellers and discoverers. Portable still cameras and sound-recording equipment made it possible to take a different look at the field work. Ethnographers welcomed new opportunities with great enthusiasm. How significant were photographic equipment and materials is testified by the surviving archived materials, that have to do with the preparation for the expeditions of those years. A substantial amount of funds designated for buying the equipment (which was about one fourth of all the expedition expenses) was used for buying photographic plates. At the Second Russian Turkestan expedition in total on the yearly basis there were bought 60 *poods* (i. e. almost a ton!)[4], and that was the load for three camels at the least.

Having taken a great interest in photography, Dudin became the founder and (after 1911) the permanent head of the specialized photographic laboratory of the Museum of Anthropology and Ethnography — one of the first in the world — and practically one of the founders of a scientific trend, which is today referred to as *visual anthropology*. The uniqueness of the artistic heritage of Dudin in many respects lies in his special approach to his material, an approach that combined the talent and professionalism of a true artist with a scientific thoroughness and objectivity. That is why the monographic publication of Dudin's collection will become the first stage of the realization of the project "Traditional Kazakh Culture in the Collections of Objects and Photographs at the MAE RAS".

The expedition's route of 2010 was based on the material resulting from Samuel Dudin's trip to Akmola, Semipalatinsk and Semirechnye provinces in 1899. Dudin's expedition was taken up for the particular purpose of forming a special exhibition for the Paris World Fair. The project was realized by the famous "Ethnographic Bureau", formed in 1897 by a Russian manufacturer and patron, Prince V. N. Tenishev (1843–1903). The main goal of this enormous venture was the organization of and the implementation of the mass collection of information about Russian peasantry under "The Program of Ethnographic Information of the Peasants of Central Russia, Compiled by Prince Vyacheslav Tenishev". The Kazakh project of Tenishev reveals that he was ready to substantially broaden the research frames of the "Bureau" at a certain stage.

The newspaper "Russian Turkestan" published one and the same text in two of its issues (July 14th and August 11th of 1899) in the column of "Asian Echo": "On the occasion of the Parisian exhibition the ethnographic bureau of Prince Tenishev will issue a spacious research about the Kirghiz, supplied with illustrations, the execution of which is laid on Dudin, an artist who was sent to the steppe lands specifically for this purpose".

[3] Here the collections, which have to do with his name, contain over 4,000 exhibits and about 1,500 photographs.

[4] *The Minutes of the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia Meeting*. 1914. Minutes No. 2, § 27, pp. 19–20.

Fig. 3. "Kazakhs in the region of Pavlodar". Photo by Samuel Dudin, Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8.0 × 39.0 cm. The collection of CMK, No. НВФ 5289/10 "б" (source photo MAE RAS, No. 1199-15, 23.8 × 16.8 cm).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН

Тогда, в процессе поездки в Казахстан, Дудину удалось сделать около 500 фотографий кочевого быта: бытовых сцен и пейзажей, портретов людей, их занятий, внутреннего убранства жилищ, зимовок, кочевий, одежды, музыкальных инструментов. Дудиным были также сделаны зарисовки казахского орнамента[5] и собрана коллекция этнографических предметов[6]. По разно-

[5] Альбом С. М. Дудина, посвященный казахскому и киргизскому народным орнаментам и состоящий из 60 акварелей хранится в Научно-исследовательском музее Российской Академии художеств (Отдел архитектуры. А–21646–А–21705, аннотированные копии в МАЭ РАН, колл. №№ 2450, 2530, 14 цветных копий — в ЦМ РК). К коллекции примыкают рисунки, чертежи и планы, выполненные Дудиным в ходе экспедиции 1899 г. (внутренний вид зимней усадьбы казахов, выкройки войлочных покрытий юрты, виды мужской и женской одежды, сумки для хранения огнива и кресала, цветные зарисовки подпорок *чонгаров*, орнамента на тростниковой циновке — чие, 14 единиц хранения, колл. № И–1446).

Рис. 4. «Степные ландшафты. Район Семипалатинска». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 38,0 см. ЦМК, колл. № НВФ 5289/4 «а» (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199-159, 23,0 × 14,0 см).

образию тематики и количеству снимков, коллекцию № 1199[7], переданную Дудиным в Музей в 1907 г., вполне можно считать фотографической энциклопедией традиционного казахского быта.

Архив экспедиции Дудина не сохранился, но тщательный анализ его фотографий позволил восстановить основные точки его маршрута. В результате было выявлено два

[7] В ЦГМ РК хранится серия из шести фотопанорам Дудина, отсутствующая в МАЭ. К собранию в целом примыкает коллекция стереонегативов (№ 2181), переданная С. М. Дудиным в музей в 1910 г. В ее состав входят виды степей, гор, зимовок казахов, которые встречались членам экспедиции С. Ф. Ольденбурга на пути до Турфана, а также негативы путевых снимков из жизни казахов по дороге из Семипалатинска до Чугучака, сделанные в ходе экспедиции 1914–1915 (№ 2114, см. также колл. № 2491).

узла активных полевых работ: Баянаульский в Павлодарском уезде и Каркаралинский в Каркаралинском уезде Семипалатинской области. Именно здесь и прошла основная работа экспедиции 2010 г. По результатам экспедиции нам предстояло уточнить и исправить многие атрибуции фотографий Дудина и получить дополнительный материал, позволяющий взглянуть на зафиксированные Дудиным объекты с учетом исторической перспективы и информации, собранной специалистами за годы, прошедшие после его поездки.

***

Проселочная дорога бежала по степи, то и дело пересекая по отмелям мелкую речушку. Удерживая видеокамеру,

In the process of his Kasakh trip Dudin managed to take 500 photographs, that pictured the nomadic lifestyle of the Kazakhs: everyday scenes and landscapes, human portraits, people's occupation, interior design and decoration, winter and summer nomad camps, dress and musical instruments. Dudin also managed to sketch Kazakh ornaments[5] and collect ethnographic artifacts[6]. On account of the diversity of the subject matter and

[5] The album of Samuel Dudin dedicated to the Kazakh and Kirgiz folk ornament and consisting of 60 watercolours is kept in the research museum of the Russian Academy of Arts. (The architecture department. A-21646-A-21705, annotated copies in the MAE, collections Nos. 2450, 2530, 14 colour copies — in the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan). The collection is accompanied by drawings, drafts and plans made by Dudin in the course of the expedition of 1899 (interior view of a Kazakh farmstead, patterns of felt yurt coverings, types of men's and women's clothing, bags for keeping flint and steel, colour sketches of the *chongarok* supports, of the ornament on a reed mat — *chiy*, 14 items in the keeping, coll. No. И-1446).

[6] «Из поездки 1899 г. С. М. Дудин привез резные деревянные шкафы, женские серебряные украшения, не сохранившиеся черпаки и кожаную посуду для кумыса, струнные музыкальные инструменты, предметы домашней утвари, кремневое ружье местной работы, а также старинную подпорку для верхнего круга юрты — *адал-бакан*, — которую собиратель приобрел в летовье у г. Яеши Ниязь. Часть предметов коллекции были из г. Павлодара — мужской пояс *ксе* с охотничьим набором и старинные пальцы с образцом вышивки. На Куендинской ярмарке он купил изделия ювелира — несколько колец и щипцы для выдергивания волос. Их приспосабливали вместе с "гигиеническим набором" справа на груди к камзолу и носили женщины и мужчины среднего и пожилого возраста. От сына известного казахского исследователя Мусы Чорманова, Садвакаса музей получил в дар веретено *уршук* для прядения тонких нитей, ложку *ожау* для кумыса, сделанную из единого куска дерева и деревянную ложку, повторяющую форму русской, а из Баян-аула волчины Чормановых, мужскую шапку *тымак* и табакерку для нюхательного табака (МАЭ, колл. № 493)» (Прищепова, *К истории казахских коллекций С. М. Дудина в МАЭ РАН* (в печати).

Fig. 4. "Steppe landscapes. Semipalatinsk region". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8.0 × 38.0 cm. The collection of CMK, No. НВФ 5289/4 "a". (source photo MAE RAS, No. 1199-159, 23.0 × 14.0 cm).

the number of photographs, this collection No. 1199[7], given by Dudin to the Museum in 1907, can fully be considered a photographic encyclopaedia of traditional Kazakh life.

The archive of Dudin's expedition did not survive, but thorough analysis of Dudin's photographs made it possible to establish the main way points of his route. As a result, two junctions of the active field work of Samuel Dudin were brought to

[7] The Central State Museum of the Republic of Kazakhstan keeps a series of six photographic panoramas taken by Dudin. Generally the collection is accompanied by a collection of stereo negatives (No. 2181), given by Dudin to the museum in 1910. It consists of the views of steppes, mountains, winter camps of the Kazakhs, which the members of the expedition of Sergey Oldenburg came across on their way to Turfan, and also of the negatives of the journey photographs of the life of the Kazakhs on the way from Semipalatmsk to Chuguchak, made in the course of the expedition of 1914–1915 (No. 2114, see also collection No. 2491).

light: Bayanaul in the Pavlodar *uyezd* and Karkaralinsk in the Karkaralinsk *uyezd* in Semipalatinsk province. At those spots particularly the main work of the expedition of 2010 took place. Our goal was to clarify and correct the attributions of the photographs of Dudin, and to collect material permitting us to look at the objects registered by Dudin taking into consideration scientific perspective and information, collected by specialists throughout the years since his journey.

***

The cart road was running along the steppe every now and then crossing a little river at the sand bars. Holding on to the video camera, which seemed to aim at tearing itself out of my hands at every pothole, I was looking intently through

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН

норовившую вырваться из рук на каждом ухабе, я всматривался в пыльное окошко нашего УАЗика. Чем дальше мы углублялись в степь, тем больше всепогодная и сверхпроходимая «буханка», которую я встречал на дорогах от Эфиопии до Вьетнама, напоминала мне машину времени. На этой фантастической земле запросто сосуществуют разные эпохи и сегодня, когда я вспоминаю нашу поездку, для меня более важными оказываются не географически точная и последовательная фиксация перемещений в пространстве, а именно «путешествие во времени». Я раскладываю впечатления «по временам», и, прежде всего, оказываюсь в «бесконечном традиционном времени» (*continua tempora tradita infinitaque*) кочевой степи, в которой мало что изменилось со времен Чингисхана.

Мы ехали в урочище Кент, где сто лет назад Дудин снимал древние развалины, и картинка за окном все больше напоминала иллюстрации к «Сокровенному сказанию» монголов, уникальная рукопись которого хранится в библиотеке Восточного факультета СПбГУ, или к знаменитому «Собранию летописей», составленному визирем-иудеем, мудрым реформатором, врачом и историком Рашид ад-Дином (ок. 1247–1318), успевшим до своей казни сложить в книгу все доступные сведения по истории монголов. Мы остановились, чтобы снять табун лошадей, плотно сбившийся в тени небольшой группы деревьев. Великая степь, на Запад уходившая к горизонту, одновременно пахла горькими и сладкими травами. Громадный купол неба накрывал этот мир, который, казалось, ничуть не изменился за сотни лет.

Рис. 5. «Степные ландшафты. Район Семипалатинска». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 38,0 см. ЦМК, колл. № НВФ 5289/4 «в» (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199-226, 23,8 × 17,0 см).

Ощущение иного времени резко усилилось в самом урочище — природной крепости закрытой от острых степных ветров, идеальном месте стоянки и зимовки с чистейшим ручьем, смородиной и земляникой. Здесь мог разыграться любой из эпизодов ранней истории Чингисхана. Не хватало только десятка юрт с женщинами и детьми, вдруг отчаянно залаявших сторожевых собак, свиста стрелы и всадников в мгновение ока похватавших чужих жен и тут же исчезнувших в безбрежной степи. Развалины стояли там же, где их снял Дудин, только за сто лет из двух- стали одноэтажными. Предположительно это буддистский храм, построенный в XVI в., но сама аура урочища невольно заставляла фантазировать о принцессе, зазимовавшей здесь по дороге к далекому жениху. Официальная табличка, сохранившаяся с советских времен, гласит «Дворец Кызыл-Кент. XVI–XVII вв. Памятник охраняется государством».

Вечером того же дня мы попивали пенистый кумыс и наблюдали как хозяйка сбивала его ровно так же, как и сотни лет назад. Здесь помнят имена минимум семи поколений предков, и плачут, слушая песни о джунгарских войнах XVII–XVIII вв. так, будто оплакивают отца или старшего брата.

Для коренного жителя Степи мерность традиционного времени, диктуемые им приоритеты сегодня те же, что и тысяча, пятьсот, или двести лет назад. При этом традиционное время всегда существует в связке с традиционным пространством. Тот, кто занимался историей Аравии, читал древнюю арабскую поэзию или воспоминания путешественников, прошедших по аравийским пустыням, кто сам поездил

Fig. 5. "Steppe landscapes. Semipalatinsk region". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8.0 × 38.0 cm. The collection of CMK, No. НВФ 5289/4 "в" (source photo MAE RAS, No. 1199-226, 23.8 × 17.0 cm).

the dusty window of our UAZ[8]. The deeper into the steppe we were going, the more the all-weather "Loaf" with the superflotation ability, which I met on the roads from Ethiopia to Vietnam, reminded me of the time machine. Different epochs unceremoniously coexist on this fantastic soil; and today, when I remember our journey, it is our time travelling that seems to me more important than geographically accurate and successive fixation of our space travelling. I lay out my impressions according to time, and, first of all, I find myself in the "infinite traditional time" (*continua tempora tradita infinitaque*) of the nomadic steppe, where little has changed since Genghis Khan.

[8] Russian made pickup-truck / minibus as simple and effective as Kalashnikov rifle. Its form reminds loaf of Russian bread, so it is often blandly called Loaf ("Bukhanka" in Russian).

We were going to the valley of Kent where one hundred years ago Dudin photographed ancient ruins, and the images outside the window more and more looked like illustrations to "The Secret History of the Mongols", a unique manuscript of which is kept in the library of the Oriental Faculty of Saint-Petersburg State University, or to the celebrated "Compendium of Chronicles", compiled by the Jewish vizier, Rashid al-Din (*ca.* 1247–1318), a wise reformer, doctor and historian, who before his execution managed to compile into his book all the accessible information on the history of Mongols. We made a stop in order to photograph a herd of horses that bunched closely together in the shade of a small group of trees. The great steppe, stretching east to the horizon, smelled simultaneously of bitter and sweet herbs. The immense dome of the sky covered this world, which, as it seemed, never changed for hundreds of years.

The sense of a different kind of time was reinforced in the valley itself — a natural fortress shut off from the sharp steppe winds, an ideal place for camping or a winter camp with the purest brook, currants and wild strawberries. Any of the episodes of the early history of Genghis Khan could unfold here. The only things that were missing were about ten yurts with women and children, guard dogs desperately barking all of a sudden, the hissing of arrows and horsemen grabbing somebody else's wives in the blink of an eye and at once disappearing into the boundless steppe. The ruins were exactly where Dudin photographed them, only one hundred years later they lost the second story and turned into one-story ruins. Supposedly this is a Buddhist temple, built in the 16th century, but the aura of the valley automatically makes one dream of a princess, who stayed here for winter on the way to her distant fiancé. The official plate, surviving since the Soviet times, runs "The Palace of Kyzyl-Kent, the 16th–17th centuries. The monument is under protection of the state".

In the evening of the same day we were drinking foamy koumiss, watching as the hostess was whipping it exactly as it was done hundreds of years ago. Here people remember the names of at least seven generations of ancestors and hearing the songs of the Dzungar wars of the 17th–18th centuries they cry in such a way as though they literally mourn for their fathers or older brothers.

For an aboriginal of the Steppe the rhythm of the traditional time and the priorities it dictates today are exactly the same as they were one thousand, five hundred or two hundred years ago. Traditional time always exists in relation to traditional space.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН

по Аравии, знает, что для местного поэта или бедуина-проводника нет приметной скалы, валуна, группы кустов или пальм, которые не имели бы своего названия и связанной с ними истории. Ровно также наш проводник, сотрудник баянаульского музея Алтынбек, рассказывал нам о степных достопримечательностях, безошибочно указывая на место стоявших когда-то зимовок, повествуя о битвах, важных событиях, рождениях великих соотечественников. Мы же не видели в «стандартных» россыпях камней ничего приметного.

— Остановись здесь, — сказал Алтынбек водителю. — Это Аблайдын Сарыадыры, отсюда в каждую сторону видно на 45 километров. Здесь все священные для казахов места. Здесь на белых кошмах ханов поднимали. Всюду — история наша.

Ближе к вечеру мы стояли у овальной дыры в земле метров семи в диаметре. Дна не было видно.

— Английский золотоносный рудник, — пояснил нам Алтынбек, — А вон там — он указал на едва видный ряд камней, выдававшихся из земли — была обогатительная фабрика. Чуть позже в кузнице, которая по преданию стоит на этом месте уже 300 лет, он показал нам сохранившийся лоток для промывки золота и рассказал одну из своих историй. Английский предприниматель, затеявший дело в начале XX в., не рассчитал объема инвестиций, работы на месте оказались дороже, чем он предполагал. Он уехал в Лондон за деньгами, но вернулся с двумя прекрасными английскими скакунами и предложил местному баю скачку на 50 километров на выигрыш. Если первым придет англичанин, то бай будет оплачивать местных рабочих и предоставит лошадей, необходимых для работы прииска. Если первым придет казах, то весь прииск достанется баю, так же как и лошади, привезенные из Лондона. Через каждые десять километров маршрута стояли судьи — казах, англичанин и русский казак. Англичанин скакал сам, казахи посадили на лошадь подростка, и казахская лошадь пришла первой. Англичанин честно выполнил условия сделки. Алтынбек назвал и его имя — Урквартт.

Я немедленно перевел рассказ Алтынбека участнику нашей экспедиции английскому писателю-ориенталисту Антонии Уинну, а вскоре по возвращении получил от него информацию о том, что, действительно, в начале XX в. в этих местах работал выдающийся английский предприниматель, позднее — миллионер, Джон Лесли Урквартт (1874–1933)[8]. Результатом нашего разговора у заброшенного рудника возможно станет полнометражный англо-российско-казахский художественный фильм, а рассказанная Алтынбеком почти эпическая история попадет в британский справочник «Бизнес в Казахстане». Серию подобных ежегодников регулярно издает здесь Министерство иностранных дел и по делам Содружества.

Тогда же мы направились в гостеприимный дом, в котором живет семья брата нашего проводника. Мы пили чай из разожженного на дворе самовара и ели свежеиспеченный хлеб с домашним маслом. Его вкус я помню до сих пор.

[8] О нем см.: K. H. H. Kennedy, *Mining Tsar: The Life and Times of Leslie Urquhart* (Sydney, 1986).

Рис. 6. «Степные ландшафты. Район Семипалатинска». Фотограф С. М. Дудин. Казахстан, 1899 г. Фотоотпечаток, 8,0 × 38,0 см. ЦМК, колл. № НВФ 5289/4 «б» (исходный фотоотпечаток МАЭ РАН, № 1199-124, 24,0 × 17,2 см).

Fig. 6. "Steppe landscapes. Semipalatinsk region". Photo by Samuel Dudin. Kazakhstan, 1899. Photographic print, 8.0 × 38.0 cm. The collection of CMK, No. НВФ 5289/4 "б" (source photo MAE RAS, No. 1199-124, 24.0 × 17.2 cm).

Whoever studied the history of Arabia, read ancient Arabic poetry or the memories of travellers, who passed through Arabic deserts, and travelled across Arabia, knows that for a local poet or a Bedouin guide there is not one visible rock, boulder or group of bushes or palms that doesn't have its own name and a history linked to it. In exactly the same manner our guide Altynbek, an employee of the local museum of Bayanaul, told us of the steppe places of interest, unmistakably pointing to the places of winter camps of the times long gone, telling of the battles, significant events, births of important fellow countrymen. As for us we saw nothing prominent in the "standard" rock deposits.

"Stop here," said Altynbek to the driver. "This is Ablaydyn Saryadyry, from here one can see as far as 45 kilometres in any direction. All the sacred sites of the Kazakhs are here. Khans were lifted up here on white felt mats. Everywhere around us is our history".

Closer to the evening we were standing at the oval hole in the ground of about seven meters in diameter. The bottom could not be seen.

"English gold-bearing mine", clarified Altynbek. "And over there", he pointed to the barely seen line of rocks protruding from the ground, "was a concentrating mill". Some time later in the blacksmith shop, which has stood at that place for 300 years, he showed us a surviving tray for gold panning and told us one of his stories. And English entrepreneur, having started a business in the early 20th century, did not calculate his investments correctly — the work on the field turned out to be more costly than he had assumed. He left for London for money, but came back with two fine English racers and suggested a fifty kilometre horse race to a local *bay*. If the Englishman comes first, then the *bay* will pay wages to local workers and provide horses necessary for the goldmine. If a Kazakh comes first, then the entire goldmine will go to the *bay* as well as the horses brought from London. There were judges at every ten kilometres — a Kazakh, an Englishman and a Russian Cossack. The Englishman raced for himself; the Kazakhs sat a teenager to race on behalf of the *bay*; and the Kazakh horse came first. The Englishman honestly met the conditions of their deal. Altynbek also gave us his name — Urquhart.

I immediately translated the story of Altynbek to one of the members of our expedition, an English orientalist writer Antony Wynn, and soon after our return I received a piece of information from him, where he confirmed that it was true that in the early 20th century a prominent English businessman — later a millionaire — John Leslie Urquhart (1874–1933)[9] travelled and started his business in these places. A full-length English-Russian-Kazakh motion picture might be filmed as a result of our conversation at the neglected mine. And the almost epic story told by Altynbek will find itself on the pages of the "Guide to Business in [Kazakhstan]". A volume for each country is published annually by the Foreign and Commonwealth Office.

Then we went to a hospitable house, where the family of the brother of our guide lives. We were drinking tea from a samovar burning outside and eating freshly baked bread with homemade butter. I can still remember the taste of it.

[9] About him see K. H. H. Kennedy, *Mining Tsar: The Life and Times of Leslie Urquhart* (Sydney, 1986).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН

В традиционном времени-пространстве традиционна и роль поэта и поэзии. *Акын* — казахский поэт-импровизатор во многом близок древнеарабскому *ша'иру*: устный характер творчества, особая социальная роль, часто связь с неземными силами, поэтические состязания…

Экспедиционный автобус подходит к селу Торайгыр. Дудин много снимал неподалеку. Удивительной красоты горы, одноименное озеро, реликтовая ольховая роща… Святой ключ «Аулие булак» бьет неподалеку от мемориального музея поэта Султанмахмута Торайгырова, умершего в возрасте 27 лет. Традиционное время несет свои законы: музей был открыт в труднейшем 1993 г. к 100-летию со дня рождения поэта, когда на всем постсоветском пространстве часто думали прежде всего о том, чем накормить детей.

Другой пример — судьба Машхур Жусупа Копеева (Копейулы) (1858–1931), выдающегося *акына* и собирателя народного творчества. Мы посетили мемориальный музей поэта, почитаемого сегодня на территории Казахстана в качестве святого, встретились с его правнуком, направились в усыпальницу-мавзолей, ставшую местом паломничества казахов со всего мира (при нас поклонится святому поэту приехал молодой казах-банкир из Лондона), а в Павлодаре зашли в Центральную мечеть, носящую имя поэта, одну из самых больших на территории республики. Машхур Копеев был одним из информантов директора МАЭ, выдающегося тюрколога академика В. В. Радлова. Под влиянием последнего он с 1872 г. приступил к сбору устной литературы Северного и Центрального Казахстана, что, во многом и сформировало его личность[9]. Так же еще в 1891 г. в Сибири Радлов по существу предопределил судьбу Дудина, взяв талантливого молодого ссыльного с собой в Орхонскую экспедицию в качестве рисовальщика.

…Мы 30 км от Каркаралинска, неподалеку блестит на закате река Талды. Шоссе сворачивает прямо на солнце. Я прикрываю глаза рукой и из-под пальцев вижу четыре *мазара*, снятые в 1899 г. Дудиным. Две фотографии подписаны просто: «Гробницы». Мы на месте погребения четырех султанов-волостных управителей. Это могилы султана Тауке (1769–?), его сыновей — Кусбека (1797–?), султанов Тубека (1801–?) и Ысмайылхана (1828–?). Через дорогу от них находится могила слепого акына Шоже Каржаубайулы (более известен как Шоже акын) (1808–1895), попросившего похоронить себя рядом с могилой Кусбека, который также был выдающимся *акыном*. Шоже прославился как участник и победитель многочисленных поэтических соревнований (*айтысов*).

Не славы и не коровы,
не тяжкой короны земной —
пошли мне, Господь, второго, —
что вытянул петь со мной!
Прошу не любви воровannой,
не милостей на денек —
пошли мне, Господь, второго, —
чтоб не был так одинок…

Рис. 7. Мазары неподалеку от села Беркуты. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

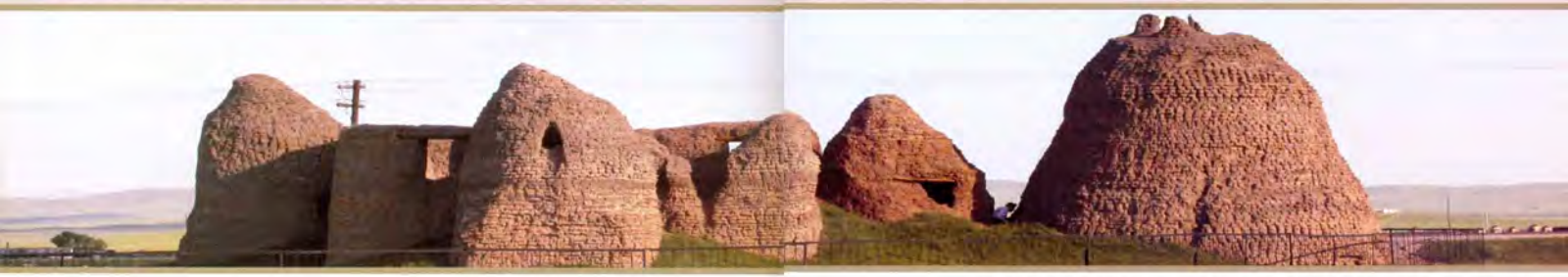

Fig. 7. The *mazars* not far from Berkuty settlement. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

In the traditional time and space the role of a poet and poetry is traditional as well. *Akyn* — a Kazakh poet-improviser in many respects is close to an ancient Arabic *sha'ir*: the oral nature of the art, a special social role it plays, frequent connection to supernatural powers, poetic competitions…

The expedition bus drives up to the village of Toraygyr. Dudin took a great deal of photographs nearby. Mountains of striking beauty, the lake of the same name, a relict alder grove… The sacred spring known as "Awliya bulaq" gushes out by the memorial museum of the poet Sultanmahmut Toraygyrov, who passed away at the age of 27. Traditional time carries its own laws: the museum was opened in the arduous year of 1993 on the occasion of the 100th anniversary of the poet's birth, when the population of all of the post-Soviet territories first and foremost thought of what to feed children with.

Another example is the destiny of Mashhur Jusup Kopeev (Kopeyuly) (1858–1931), a prominent *akyn* and collector of folklore. We visited the memorial museum of the poet, today revered as a saint on the territory of Kazakhstan, met his great grandson, headed for his mausoleum, that has become a pilgrimage site for the Kazakhs from all over the world (while we were there a young Kazakh banker from London came to pay his respects to the holy poet), and in Pavlodar we attended the Central Mosque named after the poet, one of the largest one on the territory of the republic. Mashhur Kopeev was one of the informants of Academician Friedrich W. Radloff, the director of the MAE and a prominent Turkologist. Under Radloff's influence, in 1872 Kopeev proceeded to collect the oral literature of Northern and Central Kazakhstan, which in many respects formed his character[10]. Also back in 1891 in Siberia Radlov essentially predetermined the destiny of Dudin, having taken this young exile with him to the Orkhon expedition in the capacity of a graphic artist.

…We are 30 kilometres away from Karkaralinsk; not too far away the Taldy river sparkles in the sunset. The highway turns towards the sun. I cover my eyes with my hand and through my fingers I can see four *mazars*, photographed by Dudin in 1899. Two photographs are simply signed with "Tombs". We are at the burial site of four sultans, *volost* rulers. Today it is a pilgrimage site. These are the tombs of Sultan Tauke (1769–?), his sons — Kusbek (1797–?), Sultan Tubek (1801–?) and Ismail-Khan (1828–?). Nearby there is the tomb of improvising poet and singer (*akyn*) Shoje Karjawbayuly (better known as Shoje Akyn) (1808–1895), who asked to be buried nearby the tomb of Kusbek, who also was a prominent *akyn*. Shoje also became famous as a participant and a winner of many poetic contests (*aytyses*).

Neither glory nor a cow,
Nor a heavy earthly crown —
Send to me, O Lord, another —
To sing a song with me!
I don't ask for stolen love,
Don't ask for mercies for a day —
Please, send, O Lord, another —
So that I won't be alone…

[9] См., например: З. А. Ремпель, «Роль В. В. Радлова в изучении культуры и этнографии Казахстана», *Материалы международной научно-практической конференции «Г. Н. Потанин — ученый, путешественник, общественный деятель: российская интеллигенция XIX века и проблемы истории и этнографии казахов»* (Павлодар, 2005), сс. 248–251.

[10] See, for instance, Z. A. Rempel', "The role of V. V. Radloff in the study of culture and ethnography of Kazakhstan", *The materials of the international theoretical and practical conference "G. N. Potanin — a scientist, a traveller, and a public figure: Russian intelligentsia of the 19th century and the problems of the history and ethnography of the Kazakhs"* (Pavlodar, 2005), pp. 248–251.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН

Вотивные тряпицы, повязанные всюду, свидетельствовали, что это — место паломничества.

Чтоб было с кем пасоваться, аукаться через степь, для сердца, не для оваций, на два голоса спеть!

Автобус увозил нас прочь, а мои пальцы выстукивали гитарный ритм «Песни акына» Андрея Вознесенского (1971), слетой Владимиром Высоцким. Она сделала слово «акын» навсегда небезразличным для русского уха.

Вхождение Степи в состав Империи с одной стороны дало мощнейший импульс для развития, но с другой заставило разделить общую судьбу страны, в том числе экономические и социальные эксперименты XX в. По дороге в Караганду мы остановились в небольшом аккуратном поселке, вытянувшемся вдоль шоссе. В ходе столыпинских реформ он был основан переселенцами из Эстонии и получил название Лифляндское. С началом Первой мировой войны чересчур «германское» название было изменено на Покорное. Современное название поселка — Баймырза — отражает резкое изменение этнического состава его жителей. После развала СССР эстонцы и депортированные сюда с началом Второй мировой войны поволжские немцы выехали на историческую родину. Их место заняли казахи из Монголии. Историю поселка хранит местное христианское кладбище, где эстонские и немецкие имена соседствуют с русскими, а кириллица с латиницей.

Второе время, которое невозможно не заметить в Казахстане — это время сталинского СССР, «бесконечное время ружейного залпа» (*tempora ballistae iactus infinita aut inferna continua*). Рядом с Астаной расположен АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников Родины, 17-е женское лагерное специальное отделение Карагандинского ИТЛ (1938–1953). Это крупнейший советский женский лагерь, один из трех «островов» «Архипелага ГУЛАГ». Лагерь был обнесен несколькими рядами колючей проволоки, были установлены вышки охраны. В 1942 г. здесь было казнено 50 женщин, двенадцать из которых решением Архиерейского собора РПЦ (август 2000 г.) «прославлены в сонме новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания». В списке узниц АЛЖИРа можно встретить имя Рахили Михайловны Мессерер-Плисецкой, актрисы кино и матери Майи Плисецкой (находилась в лагере с грудным ребенком); имя автора «Крутого маршрута» и матери Василия Аксенова Евгении Семеновны Гинзбург; имя Анны Васильевны Книпер (в первом замужестве Тимиревой), русской поэтессы, возлюбленной адмирала Колчака и матери художника Владимира Тимирева.

Шел мелкий дождь. Капли стекали по стене черного полированного гранита, на которой выбиты имена всех узниц АЛЖИРа — двадцать тысяч женских имен и судеб. Казахские мальчишки и девчонки в белых рубашках стойко мокли в почетном карауле. Работали фоторепортеры и тележурналисты. Множество сытых, нарядно одетых и ухоженных людей, стоя под зонтиками, слушали заупокойные молитвы, которые по очереди читали представители четырех конфессий. Неподалеку поблескивали под дождем громадные белоснежные

Рис. 8. Неподалеку от Каркаралинска. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

Fig. 8. Not far from Karkaralinsk. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

Votive rags, tied everywhere, testified of this place being a pilgrimage site.

That there'd be someone to walk with, someone to halloo through the steppe with, for my heart, not for ovations, that we could sing a two-part song!

The bus was driving us away, and my fingers were tapping the guitar rhythm of "The Song of Akyn" of famous Russian poet Andrey Voznesensky (1971), performed by Vladimir Vysotsky, an iconic Soviet and Russian poet, singer and actor. It forever made the word "akyn" not indifferent to a Russian ear.

On the one hand the inclusion of the steppe into the composition of the Empire gave a high-power pulse for development, yet on the other hand it forced it to share the fate of the entire country, including economic and social experiments of the 20th century. On the way to Karaganda we made a stop in a small neat settlement stretching along the highway. In the course of reforms (1901–1903) instituted during the tenure of Pyotr Stolypin, Chairman of the Russian Council of Ministers, it was founded by the migrants from Estonia and was named Liftland. With the beginning of World War I the overly "German" name was replaced by Pokornoe (*Submissive* in Russian translation). Its modern name — Bay Mirza — reflects the sudden change of the ethnical make-up of its population. After the break up of the USSR Estonians and Germans, who used to live along the Volga River and were deported here with the beginning of World War I, departed for their historical homeland. Their place was occupied by the Kazakhs from Mongolia. The local Christian cemetery keeps the history of this settlement, where Estonian and German names are neighbours of the Russian ones, and Cyrillic alphabet — of the Latin one.

The second time, which is impossible not to notice in Kazakhstan, is the time of the Stalin's USSR, "the infinite time of gun volley" (*tempora ballistae iactus infinita aut inferna continua*). "ALJIR" ("Akmolinsk camp of wives of traitors of the Motherland") is located by Astana. It is the 17th women's special department of the Karaganda Corrective Labour Camp (1938–1953). This is the Soviet largest women's camp, one of the three "islands" of "the GULAG Archipelago". The camp was fenced with several rows of barbed wire; watchtowers were erected. In 1942 fifty women were executed here, twelve of which by the decision of the Assembly of Hierarchs of the Russian Orthodox Church (August of 2010) were "glorified in the realm of Russian neo-martyrs and confessors for the reverence by the entire Church". Browsing through the list of the ALJIR prisoners one may find the name of Rachel Mikhaylovna Messerer-Plisetskaya, a film actress and the mother of world famous ballerina Maya Plisteskaya (she was in the camp with the infant at the time); the name of the author of "Steep Route" and mother of the Russian writer Vasiliy Aksyonov, Yevgenia Solomonovna Ginzburg; the name of Anna Vasilyevna Kniper (Timiryova in her first marriage), a Russian poetess, the mistress of Admiral Kolchak and mother of the painter Vladimir Timiryov…

It was drizzling. Rain drops were trickling down the black polished granite wall, which contains the names of all of ALJIR prisoners carved in — twenty thousand women's names and destinies. Kazakh boys and girls in white shirts were firmly standing guard in honour. Press photographers and television

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН

туристские автобусы, на которых они приехали сюда, и невозможно было представить себе, что прямо здесь в степи, на берегу поросшего камышом озера в течение 15 лет исправно функционировал филиал ада на земле.

Карлаг, оказавшийся местом заключения множества деятелей науки и искусства СССР и зарубежья, стал важным культурным очагом: заключенные проводили концерты и ставили спектакли (в том числе балетные!), художники занимались оформительскими работами. Именно здесь были заложены важные предпосылки развития нового этапа искусства Казахстана в целом. Обо всем этом нам еще раз напомнили хранящиеся в карагандинском Художественном музее картины замечательных художников, оказавшихся в лагерях, созданных в казахских степях. Через Карлаг прошли миллионы советских людей разных национальностей. Сегодня в Казахстане осуществляется государственная программа памяти жертв политических репрессий. Подобной нет нигде на постсоветском пространстве.

...УАЗик неторопливо и уверенно пробирался сквозь скопления гранитных валунов. Скалы причудливых форм, исхлестанные ветром сосны, все это часто напоминало родной Карельский перешеек. Мы ехали к святой пещере, одному из древнейших сакральных мест на территории Казахстана.

«По легенде название "Коныр аулие" идет со времен пророка Ноя (Нух), спасителя мира, зверей и птиц. При всемирном потопе трое аулие опаздывали. Когда они прибыли, на корабле Ноя уже не было мест. Тогда, связав три бревна, они сели на них и привязались к кораблю. Их бревна наткнулись на камень и оторвались. Трое предсказателей разъехались. После спада воды, когда начали появляться горы и сопки, бревно святого Коныра приплыло к пещере, где он и обосновался. Пещеру назвали "Коныр аулие". Люди здесь соблюдали строгий закон: во-первых, соблюдали естественную чистоту; во-вторых, приходили трезвыми; третьим условием было — каждый должен прикоснуться к созданию чистоты на территории пещеры — это святой долг каждого человека», — такая надпись встретила нас в начале подъема к пещере. Я прочитал надпись с удивлением, так как во всех известных мне источниках эта пещера называлась Аулие-Тас. Еще в 1903 г. газета «Киргизский край» писала, что «Аулие-Тас представляет из себя длинную, сажен в десять, пещеру, у западной стены которой лежит большой, с углублением в середине камень. В нем постоянно скапливается стекающая со стен и потолка пещеры холодная, прозрачная вода, отличающаяся, по мнению киргизов, очень целебными свойствами. Посещающие пещеру киргизы пьют эту воду, обмывают ею больные части своего тела и употребляют для установленных у магометан омовений. В пещере, по преданию киргизов, жил когда-то святой человек. Народа съезжается к Аулие-Тас временами очень много; особенно много бывает женщин, так как святая вода пещеры уничтожает, по мнению тех же киргизов, бесплодие женщин».

Что же до пещеры «Коныр аулие», то она, как я знал, расположена приблизительно в 200 км от Семипалатинска на склоне горы Актас, омываемой рекой Чаган. Эту громадную пещеру с глубоким озером и то ли с изваянием, покрытым известковой коркой, то ли «окаменелым трупом, подвергав-

Рис. 9. Степь неподалеку от села Торайгыр. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

Fig. 9. Steppe land not far from Torayghyr settlement. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

reporters were working. A great number of satisfied, well-dressed and well-groomed people, standing under umbrellas, were listening to the requiems, which one by one were read by the representatives of four confessions. Huge snow-white tourist buses were gleaming under the falling rain not too far away; they probably brought the tourists here. It is inconceivable that right here in the steppe, on the rushy lakeside, a branch of hell on earth orderly functioned in the course of 15 years.

"Karlag", the place of detention of many men of science and arts of the USSR, became an important culture centre: prisoners held concerts and staged shows (including the ballet ones!), artists were busy with design. It was there that significant prerequisites for a new phase of the Kazakhstan art in general were laid. We were again reminded of all of the aforementioned by the paintings kept in the Karaganda Museum of Art, that belong to the brush of remarkable artists, who found themselves in the camps formed in the Kazakh steppes. Millions of Soviet men of various nationalities passed through Karlag. A state program for the memory of the victims of the political repressions is carried out in Kazakhstan today. Nothing of the kind exists anywhere else on the post-Soviet territories.

...Our UAZ was leisurely and confidently making its way through clusters of granite boulders. The rocks of fanciful shapes, wind-whipped pines; all of these pictures reminded me my native Karelia vent. We were going to the sacred cave, one of the most ancient sacral sites on the territory of Kazakhstan.

"...According to the legend the name 'Konyr Awlia' dates back to Prophet Noah (Nuh), the saviour of the world, animals and birds. At the time of the world Flood three *awlias* were being late. When they arrived, the boat of Noah already had no room. Then, tying three logs together, they boarded those and tied themselves to the boat. Their logs ran against a rock and tore off. The three foretellers were taken in different directions. After the waters receded, when mountains and hills began appearing, the log of holy Konyr floated to the cave where he settled down. The cave was called 'Konyr Awlia'. There people observed stringent laws: firstly, the natural cleanness was preserved; secondly, only sober people would attend this site; third condition was that everyone needed to touch the creation of the cleanness on the territory of the cave — this is the sacred duty of every man". This inscription greeted us at the beginning of the ascent to the sacred cave, one of the most ancient sacral sites on the territory of Kazakhstan. I read the inscription with great surprise since in all the sources known to me this cave was referred to as Awlia-Tas. Back in 1903 the "Kirghiz Land" newspaper ran that "Awlia-Tas" is a long cave of about ten *sazhens* (around 22 meters), at the western wall of which lays a large rock with a hollow in the middle. Cold and clear water trickling down from the walls and ceiling of the cave constantly accumulates in it. The Kirghiz believe that this water is very distinguished on account of its healing properties. The Kirghiz visiting the cave drink this water, wash diseased members of their bodies and also use it for the ablutions established among Mohammedans. According to the legend of the Kirghiz a holy man once lived in the cave. At times there are great numbers of people visiting Awlia-Tas, and especially many women, since the Kirghiz believe that the water cleanses women of infertility".

As for the cave of "Konyr Awlia", it, as far as I knew, was located about 200 km away from Semipalatinsk, on the slope of the Aktas mountain and was washed by the Chagan River. And this

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН

шемся много лет действию известковой воды»[10], мы собирались посетить в конце нашего пути. Было известно, что, как и Аулие-Тас, эта пещера пользовалась доброй славой среди женщин, мечтавших о материнстве, но лишенных такой возможности. Среди связанных с ней легенд — потайная дверь на дне озера, ведущая в некую гробницу, и проток, будто бы связанный с самой Меккой подземными путями.

К моему громадному сожалению добраться до этой пещеры нам не удалось: жесткие временные рамки экспедиции в конце концов не позволили сделать почти пятисотикилометровый крюк в сторону Семипалатинска. Однако я, похоже, понял, почему пещера Аулие-Тас позаимствовала свое нынешнее название вместе с легендой от другой, расположенной за много сотен километров.

15 января 1965 г. приблизительно в ста километрах от «семипалатинской» пещеры ниже по течению реки Чаган был произведен первый советский ядерный взрыв в интересах народного хозяйства. Цилиндр диаметром 86 сантиметров и длиной три метра содержал заряд, равный девяти Хиросимам, при этом 94 % энергии взрыва обеспечивалось реакциями термоядерного синтеза, не дающими радиоактивных продуктов. Воронка должна была стать прекрасным водохранилищем с небольшой площадью испарения и гладким стекловидным дном, что обеспечило бы сохранность воды. Советские газеты писали: «В результате было создано прекрасное озеро Чаган с чистой прозрачной водой. Местность преобразилась. … Произошло событие, которое так долго ждали. Стояла обычная для этих мест жара. Люди изнывали. Правда, на берегу было чуть прохладнее, но как манила эта безмятежная водная гладь! Поистине, близок локоть, да не укусишь… Пока, наконец, медики не дали "добро", и все обитатели поселка побежали на пляж. Купались долго, от души…»

Министр среднего машиностроения Е. П. Славский сам искупался в «атомном озере» и поручил снять документальный фильм об эксперименте: по голубому озеру мчится белоснежный катер… При этом за кадром осталось то, что, несмотря на уникальный характер взрыва, радиоактивному заражению подверглась значительная территория, включавшая 11 населенных пунктов, в которых проживало около двух тысяч человек. Даже в настоящее время уровень гамма-излучения на краях воронки превышает естественный радиоактивный фон в семь — десять раз. На озере, получившем у местных жителей название Атом-коль, была создана опытная биологическая станция с целью исследования воздействия остаточной радиации на живые организмы. В воду было выпущено 36 видов рыб, в том числе и амазонские пираньи. Сегодня озеро и близлежащие территории официально внесены в список местностей, особо сильно пострадавших от ядерных испытаний[11]. В этой связи становится понятным, почему вода в пещерном озере, расположенном внутри или поблизости от зоны заражения, перестала рассматриваться местным населением в качестве целеб-

[10] В. А. Брюханов, «Конур-Аулие», *Записки Семипалатинского подотдела императорского Русского географического общества* VI (1912), сс. 2–3.

[11] Подробнее см. статью «Проект Чаган» в русской Википедии и http://kursakov.narod.ru/ozero.htm.

Рис. 10. В степи неподалеку от аула Жанажол. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

Fig. 10. Steppe land not far from Janajol aul. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

enormous cave with a deep lake and either with a statue covered in lime crust or with "petrified carcass, which for many years was exposed to lime water"[13] we intended to see at the end of our journey. This cave was known to have a good reputation among women, who aspired after maternity but were devoid of such a possibility. Among the legends connected to this cave there is one that says that supposedly at the bottom of the lake there is a secret door that leads to a certain tomb and that it has direct channel linking it to Mecca itself with a net of underground tracks.

To my deep regret we could not make it to the cave: strict timeframes of the expedition ultimately did not allow us to make a detour of almost five hundred kilometres toward Semipalatinsk. However, I seemed to understand why the cave of Awlia-Tas borrowed its name and the legend itself from another cave, located many kilometres away from it.

On the 15th of January of 1965 about one hundred kilometres away from the "Semipalatinsk cave" downstream the Chagan River the first Soviet nuclear head was exploded in the interest of national economy. The cylinder of 86 centimetres in diameter and three meter in length contained the payload equal to nine Hiroshimas. Yet 94% of the energy of the explosion was provided by the reactions of thermonuclear synthesis, which did not release any radioactive products. The crater was supposed to be a fine water reservoir with a small area for evaporation and a smooth glass-like bottom, which would provide the safekeeping of water. Soviet newspapers wrote: "As a result a great lake of Chagan with pure and clear water was created. The landscape and the country itself have undergone transformation. …The event, which had been waited on for so long, has finally happened. It was hot, which was so usual for this area. People were languishing. It was a little cooler on the lakeside, though, but this placid water mirror-like surface was beckoning! Indeed, so near and yet so far… Finally, the doctors gave 'the green light', and all the residents of the settlement ran to the beach. Everybody swam for a long time, from the bottom of the heart…"

Efim Slavsky himself, the Soviet "Atomic minister" went for a swim in a "nuclear lake" and commissioned for a documentary to be filmed about the experiment: a snow-white power boat is ripping on the surface of the azure lake… In spite of the unique nature of the explosion, a significant territory, including 11 inhabited localities, populated by about two thousand inhabitants, was left off the screen. To date the level of gamma radiation around the edges of crater 7–10 times exceeds the natural radioactive background. An experimental biological station was installed on the lake nicknamed "Atom-qol" by the locals. The goal of the station was to research the impact of the residual nuclear radiation onto living creatures. 36 kinds of fish were released into the water, including the Amazon piranha. Today the lake and its neighbouring territories are officially on the list of the localities, which seriously suffered from nuclear tests[12]. In this regard it becomes clear why the water in the cave lake, located within or nearby the contamination zone, ceased to be considered of healing properties by local population. Hence the name and the popular legend "fell to" the cave of Awlia-Tas. Indeed, the condensed water accumulated in a small

[13] V. A. Bryuhanov, "Konyr-Awlie", *The Notes of Semipalatinsk Subdivision of the Emperor's Russian Geographic Society* VI (1912), pp. 2–3.

[12] For greater detail see the article titled "The Chagan Project" in Russian Wikipedia and at http://kursakov.narod.ru/ozero.htm.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН

ной. И название, и популярная легенда «достались» пещере Аулие-Тас. Ведь и там водяной конденсат, скапливающийся в небольшом углублении в верхней части пещеры, считали верным лекарством от бесплодия.

Что же до легенды о Коныре, то она, безусловно, заслуживает самого серьезного изучения. Легенда имеет множество параллелей, но первое, что естественным образом сразу приходит в голову, эта история о первенце Адама — Каине, удалившемся в пещеры от лица Бога[12]. По библейскому преданию, после потопа уцелел Ной, не связанный с родом Каина. Прародитель «послепотопного человечества» был потомком Сифа, сына, дарованного Еве вместо убитого Авеля. Вместе с тем, по ряду апокрифов после потопа выжили и некоторые потомки Каина, сохранившие древние магические знания, или даже он сам. Одним из литературных отражений этих легенд стала, например, ранняя новелла Николая Гумилева «Дочери Каина»:

«Тропинка вилась между каменных стен, то поднималась, то опускалась и внезапно привела его на небольшую поляну, освещенную полной луной. Тихо качались бледно-серебряные злаки, на них ложилась тень гигантских неведомых деревьев, и неглубокий грот чернел в глубине. Словно сталактиты поднимались в нем семь одетых в белое неподвижных фигур. Но это были не сталактиты. Семь высоких девушек, странно прекрасных и странно бледных, со строго опущенными глазами и сомкнутыми алыми устами, окружали открытую мраморную гробницу. В ней лежал старец с серебряной бородой, в роскошной одежде и с золотыми запястьями на мускулистых руках. Был он не живой и не мертвый»[13].

На этом фоне «атомная» пещера с тайной гробницей и покрытым известковой коркой «окаменелым трупом, подвергавшемся много лет действию известковой воды», несомненно, — сюжет, достойный Борхеса, с моралью о пагубности творческой изобретательности и разрушительных экспериментах каинитов-богоборцев.

[12] Именно так согласно некоторым интерпретаторам следует понимать библейский стих «Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь» (Быт. 4:14).

[13] Н. С. Гумилев, «Дочери Каина», *Собрание сочинений* (Москва, 2005), vi, с. 34. Ср. также масонскую легенду о жизнелюбивой и творческой, «верховной» расе каинитов (Жерар де Нерваль, «История о Царице Утра и о Сулаймане, повелителе духов» (Москва, 1996)) и богоборческого байроновского «Каина».

Так что, Казахстан это и особое «прошедшее-будущее» (*perfectum ad futurum consequitur*) время. Это и Атом-коль и Сары-Шаган — полигон для разработки и испытаний противоракетного оружия, расположенный к северо-западу от озера Балхаш в Голодной Степи. Звездные войны: здесь испытаны все отечественные противоракетные системы, здесь работал комплекс для испытания боевых лазеров с ядерной накачкой и электролазерного оружия. Именно отсюда 10 октября 1984 г. лазерный локатор осуществил зондирование американского космического корабля Челленджер, вызвавшее сбои в работе бортовых систем и жалобы экипажа на неприятные ощущения.

Tradita continua infernaque ad perfectum consequenda sunt… В психологии термин *taxis* имеет свое, специальное значение. Здесь это инстинктивная форма пространственной

Рис. 11. По дороге к урочищу Кент. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

Fig. 11. On the way to the valley of Kent. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

hollow in the upper part of the cave was considered to be an unfailing medicine from barrenness.

And in regards to the legend of Konyr, it is certainly deserves to be seriously studied. The legend has many parallels, but the first thing that comes to mind is the story of the firstborn son of Adam — Cain, who withdrew into caves from the face of God[13]. According to the biblical legend, after the Flood Noah was spared, who was not connected to the kindred of Cain. The forefather of "the after-Flood humankind" was a descendent of Seth, the son given to Eve instead of the murdered Abel. According to some apocrypha, however, several descendents of Cain survived the flood as well; they kept some ancient magic knowledge, and maybe even Cain himself survived, too. An early short story of a famous Russian poet Nikolay Gumilev (1886–1921), "The Daughters of Cain", for instance, became one of the literary responses to these legends:

"The path snaked between the stony walls, raising and dropping and then suddenly leading him to a large meadow lit with full moon. Pale silver herbs were quietly waving; the shadow of unknown gigantic trees was falling onto them, and a shallow grotto was blackening in the deep. Seven motionless figures clothed in white were standing there as if stalactites. But those were not stalactites. Seven tall maidens, strangely beautiful and strangely pale, with their eyes bent strictly downwards and closed ruby lips, surrounded an open marble tomb. It contained an elder with a silver beard, dressed in fine clothes and wearing golden bracelets on his muscular arms. He was neither alive nor dead"[14].

Against this background the "nuclear" cave with a secret tomb and a "petrified carcass, which for many years was exposed to lime water" and thus covered with a lime crust, is undoubtedly a plot worthy of Borges, with the morale of the malignancy of artistic ingenuity and destructive experiments of the theomachist Cainites.

Therefore, Kazakhstan is also a special "past-future tense" (*perfectum ad futurum consequitur*). This is Atom-qol and Sary-Shagan — an experimental ground for antimissile weapon development and testing, located to the north-west of the Balkhash Lake in the Hungry Steppe. Star Wars indeed: all Soviet and Russian antimissile systems were tested here, the complex for the testing of the battle lasers with nuclear pumping and electrolaser weapons operated here. It was from there that the laser locator probed the American spaceship Challenger on October 10th of 1984, which provoked malfunction in the on-board systems and complaints of the crew of unpleasant sensations.

Tradita continua infernaque ad perfectum consequenda sunt… In psychology the term *taxis* has its own special meaning. Here it is an instinctive form of spatial orientation of living beings, in concordance with which they begin moving either towards favourable, vital and essential elements of environment or away from unfavourable. A member of our expedition, Anton Uspenskiy, an art critic, accurately noted that

[13] According to some interpreters this is exactly how the following Bible verse needs to be understood: "Today You are driving me from the land, and I will be hidden from Your presence" (Genesis 4:14; New International Version).

[14] N. S. Gumilev, "The Daughters of Cain", *Collected Works* (Moscow, 2005), vi, p. 34. See also a Masonic legend of the buoyant and creative "supreme" race of the Cainites (Gérard de Nerval, "History of the Queen of the Morning, and Soliman, Prince of the Djinns") and theomachist "Cain" of Byron.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН

ориентации живых существ, в соответствии с которой они начинают двигаться либо по направлению к благоприятным, жизненно необходимым элементам окружающей среды, либо от неблагоприятных. Участник нашей экспедиции искусствовед Антон Успенский точно отметил, что современная Астана брошена в степь сказочным дастарханом. В комплексе современнейших зданий министерств и ведомств Казахстана, дугой охватывающих одну из центральных площадей города, легко прочитывается и идея традиционной туркестанской крепости (*кала*, *арк*) и образ петровских Двенадцати коллегий, вот уже двести лет являющихся главным зданием Петербургского университета. Астана — это *самое новое время* Казахстана, время, объединившее многовековой опыт страны и ставшее символом избранного пути развития.

***

Итогом совместной работы российских и казахских ученых должна стать выставка (2011 г.) и альбом-каталог, представляющий уникальные фотографические материалы С. М. Дудина вместе с комплексом исследовательских материалов. По существу, речь идет о завершении работы, задуманной в 1899 г. в «Этнографическом бюро».

Выставочный проект цикла «Экспедиции продолжаются» должен представить образы и символы традиционной культуры жителей Казахстана, запечатленных как в фотоработах С. М. Дудина и предметах из собранных им коллекций, так и в фото и видео материалах экспедиции 2010 г. Особенностью выставочного проекта является комплексность, когда одновременно экспонируются предметы традиционной культуры и демонстрируются фотографии и видеосюжеты, наглядно иллюстрирующие использование этих предметов в реальной жизни. Выставочное пространство таким образом приобретает объемность, у зрителя возникает эффект присутствия, возрастает ощущение документальности в подаче культурной и научной информации.

Важной частью выставки станут ранние технические средства создания и воспроизведения изображений — фотоаппараты, средства печати фотоснимков и их демонстрации (стереоскопы, «викторианское телевидение»), и т. п.

Проект реализуется в ходе подготовки к 300-летию первого российского государственного музея — Петровской Кунсткамеры, в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» при содействии Министерства культуры РК и при участии Российского Этнографического музея, Санкт-Петербургского Музея истории фотографии, Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств, Российского Государственного исторического архива, Санкт-Петербургского Филиала Архива РАН, Архива Русского Географического общества.

Абаю принадлежат замечательные слова «Знания оборачиваются горечью, приносящей преждевременную старость, когда нет рядом человека, с кем можно поделиться радостью и печалью»[14]. Мы искренне надеемся, что в этом проекте молодые российские и казахские исследователи смогут найти себя и друг друга.

[14] Абай (Ибрагим) Кунанбаев, «Слово первое», *Книга Слов (Слова Назидания)*, пер. Р. Сейсенбаева, К. Серикбаевой (см.: http://abai.norbekov.kz).

Рис. 12. Баян-аул. Фотография Татьяны Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН и ЦГМ РК, 2010 г.

Fig. 12. Bayanaul. Photo by Tatyana Fedorova. The MAE RAS and CMK expedition of 2010.

the modern Astana has been cast into the steppe by a fairy-tale *dastarkhan*[15]. In the complex of the modern edifices of ministries and departments of Kazakhstan, that arch around one of the central squares of the city one can easily see both the idea of traditional Turkestan fortress (*qala*, *arq*) and the shape of the Petrine Twelve Collegia, that for two hundred years now have been the main edifice of the Petersburg University. Astana is *the newest tense* of Kazakhstan, the time which combined centuries-old experiences of the country and has become the symbol of the development path chosen.

***

The joint work of Russian and Kazakh scientists must result in the exhibition (2011) and the catalogue album, presenting unique photographic materials of Samuel Dudin together with a complex of research materials. Essentially, it concerns the completion of work intended in 1899 at the Tenishev "Ethnographic Bureau".

The exhibition project of the series "Expedition Are Not Over" must present images and symbols of the traditional culture of the population of Kazakhstan, depicted in the photographic works of Samuel Dudin and artifacts collected from the collections he gathered, as well as in the photo and video materials of the expedition of 2010. A special feature of the project is its comprehensiveness, when simultaneously items of traditional culture are displayed and photographs and videos are shown, graphically illustrating their use in real life. The exhibition space thus gains a third dimension, and the viewer has the impression of being present, and gets a feeling of actuality in the presentation of the cultural and scholarly information.

An important role of the exhibition will be played by the early technical means of making and reproducing the image — still cameras, the means of photograph printing and of their demonstration (stereoscopes, "Victorian TV"), etc.

The project is being carried out in the course of the preparation for the 300th anniversary of the first Russian State Museum — Peter the Great Kunstkamera within the frameworks of the Program of Fundamental Researches of the Presidium of the RAS "Historical Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia" through the instrumentality of the Ministry of Culture of the Republic of Kazakhstan and with the participation of the Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg Museum of the History of Photography, the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Research Museum of the Russian Academy of Art, Russian State Historical Archive, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, and the Archive of the Russian Geographic Society.

The following remarkable words belong to famous Kazakh poet, composer and philosopher Abay (1845–1904): "Knowledge turns into bitterness, bringing old age prematurely, where there is no person beside you with whom you can share joy and sorrow"[16]. We sincerely hope that young Russian and Kazakh researchers will be able to find themselves and one another in this project.

[15] The name applied across Central Asia to the traditional space where food is eaten.

[16] Abay (Ibrahim) Kunanbaev, "The first word", *The Book of Words (The Words of Edification)*, transl. into Russian by R. Seisenbaev, K. Serikbaeva (see http://abai.norbekov.kz).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5/
© МАЭ РАН